

В.В. Крашенинников,
*кандидат исторических наук,
доцент Брянского
государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Из истории монастырей Севского уезда в 1620-1760-х гг.

В XVII-XVIII вв. город Севск являлся одним из наиболее значительных центров на юго-западе России, играя важную административную, военную и экономическую роль. Весьма существенным было его значение и в религиозно-духовной жизни, включая монастырскую. Для ее рассмотрения взят примерно полуторавековой отрезок российской истории – с конца «смуты» начала XVII в. до серьезных преобразований в монастырской жизни в 1760-е гг. при Екатерине II.

Согласно преданиям (достоверных документов на этот счет не сохранилось) в XVI в. существовал первый известный на территории Севского уезда монастырь – Николаевский, который в «смутное время» начала XVII в. «при пришествии в Москву Дмитрия-самозванца был разорен татарами и ляхами». В словах предания оказались смешанными близкие по времени, но все-таки разные исторические события. Лжедмитрий I и его войска, прибывшие в Москву летом 1605 г., не проходили через места к северу от Неруссы, где находился Николаевский монастырь, и не имели отношения к его разорению. Основные творимые татарами и ляхами (поляками) на территории Комарицкой волости бесчинства были в 1614-1616 гг. Тогда, вероятнее всего, оказался разоренным и Николаевский монастырь.

Что же касается возникшей на его месте Площанской пустыни, получившей позже широкую известность среди верующих, то наиболее вероятное время ее появления – 1618-1619 гг. Основателями пустыни стал иеромонах Прокопий, грек по национальности, бывший постриженником Киево-Печерской

Лавры. Покинув Киев, Прокопий и еще двое монахов, чьи имена остались неизвестными, не стали задерживаться в Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе, Трубчевске или близких к ним местах (все эти территории по условиям Деулинского перемирия 1618 г. отошли к Речи Посполитой, где стала усиленно насаждаться католическая вера, а православная испытывала все больше стеснений), перешли на левобережье Десны и остановились в приглянувшемся им месте близ Плоского колодца севернее р. Неруссы. На соседнем возвышении монахи выкопали себе земляные кельи, построили для совершения молитв деревянную часовню над источником. В часовне были установлены принесенный монахами деревянный резной образ Николая Чудотворца и найденное отцом Прокопием на месте сожженного Николаевского монастыря резное распятие.

Помимо материальных трудностей перед первыми поселенцами новой пустыни вскоре появились и другие проблемы. Жившие неподалеку крестьяне стали всячески досаждать монахам, стремясь заставить их покинуть облюбованное место. Можно объяснить действия крестьян дьявольскими подстрекательствами (подобные объяснения нередки в религиозной литературе), однако стоит иметь в виду и другое объяснение: крестьяне, в большинстве своем — беглые, по опыту жизни в других местах знали, что появление и рост новых духовных обителей часто сопровождалось переводом соседних свободных крестьян в монастырские, которые обязаны были нести немало повинностей в пользу монастырей. Подобная перспектива не могла нравиться крестьянам.

Иеромонах Прокопий и его сотоварищи в 1620 г. направились искать защиты в Москву, к царю Михаилу Федоровичу Романову. Царь милостиво принял иноков, дал им грамоту на возобновление монастыря на месте разоренного и на построение нового храма. Особая благосклонность Михаила Федоровича к просителям проявилась в том, что он подарил им из своих царских палат две иконы: Всемилоственного Спаса и список чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

По возвращении из Москвы отец Прокопий и другие инокы немедленно приступили к сооружению около озера небольшой деревянной церкви, освященной в честь Казанской иконы Божией Матери. Так, в 1620 г. с сооружением храма окончательно определилось название новой обители – Казанская Богородицкая Площанская пустынь.

С устройством церкви число иноков в монастыре стало расти, что вызвало новое обострение отношений с местными крестьянами. Особенно выделялся своими грубыми проявлениями и просто разбойными действиями крестьянин Рыбальский, по прозвищу Чертов. Отец Прокопий был вынужден вновь отправиться в Москву с просьбой о помощи. Вернулся он оттуда с грамотой царя Михаила, согласно которой расположенная вокруг монастыря земля в количестве 2645 десятин передавалась обители в вечное владение. Правда, нужно учесть, что в основном это были лесные угодья, а крепостными крестьянами Площанская пустынь не владела ни тогда, ни позже.

Да и вообще небольшая, находившаяся вдали от дорог и как бы затерявшаяся в лесах пустынь в течение длительного времени оставалась одной из самых бедных монастырских обителей. По переписи 1711 г. в ней имелась одна деревянная церковь, монашеские деревянные кельи, в которых проживало 7 монахов, включая строителя пустыни иеромонаха Анатолия, руководившего ею с 1690-го до 1715 г. Перепись зафиксировала, что «в той пустыни слуг и служебников и трудников, и крестьянских и бобыльских дворов, и денежного и хлебного жалованья нет, и пашенной земли и сенных припасов, и мельниц, и рыбных ловель и никаких оброчных статей, и лошадей и коров и иной никакой скотины нет, а кормятся местным подаванием и от своих трудов».

В последующие годы площанские монахи устроили, правда, мельницу на озере, завели небольшое количество скота, но главным делом обитателей пустыни оставалась праведная духовная жизнь. Примером для братии был отличавшийся особым благочестием отец Анатолий, которому, как он признавался

ближайшим ученикам, несколько раз являлась Божия Матерь. Воспринимая это как знак благоволения Божия, отец Анатолий предсказывал, что «будет на сем месте великая обитель на прославление имени Божия», и оказался в этом прозорливцем. Не стремясь к власти и почестям, иеромонах Анатолий в 1715 г. оставил место строителя Площанской пустыни и удалился на покой в Николо-Одринский монастырь близ Карачева, где был в свое время пострижен в монахи. Там он и погиб позже от рук разбойников, нападавших на монастырь. После Анатолия новым строителем пустыни стал иеромонах Леонтий (Лаврентий Королёв), происходивший из семьи севских купцов. Именно при нем у обители появилась упомянутая мельница и несколько улучшилось хозяйственное положение.

Вслед за Площанской пустынью, но уже в непосредственной близости от Севска появился Спасо-Преображенский монастырь. О нем писали довольно многие авторы, однако преимущественно как о весьма примечательном памятнике архитектуры, а вот история монастыря остается по существу не изученной. Вряд ли стоит винить в этом историков и краеведов – монастырь в середине XVIII в. был закрыт в связи с передачей его территории и зданий архиерейскому дому – резиденции епископов Севских и Брянских; архив монастыря, как и других закрытых в XVIII в. монастырей был уничтожен вскоре после закрытия. Да и последующие события не способствовали сохранению памяти об этом интересном в религиозном и историко-культурном отношении месте. Однако это не оправдывает некоторых несообразностей, встречающихся в литературе о Спасо-Преображенском монастыре, к примеру, утверждения об оборонном значении монастыря на подступах к Севску. Ведь каменные стены и башни, ограждавшие монастырь, были сооружены во второй половине XVIII в., когда границы отодвинулись далеко от Севска и город утратил оборонное значение, а в XVII в., когда окрестности Севска не раз подвергались военным нападениям, небольшой деревянный монастырь, обнесенный часто-

колом, не являлся сколько-нибудь заметным препятствием для противников.

Что же известно о первом периоде существования Спасо-Преображенского монастыря? После подписания в 1618 г. Деулинского перемирия, по которому основная часть Северной земли перешла от Московского государства к Речи Посполитой, часть русских жителей с отходивших к полякам территорий стала переселяться в соседние места, оставшиеся за Москвой. В числе покинувших г. Новгород-Северский, также отошедший к Речи Посполитой, были архимандрит Корнилий и другие монахи новгород-северского Спасо-Преображенского монастыря. Захватив с собой часть монастырского имущества, они сначала переселились в Рыльск, а затем в Севск.

Эти сведения, содержащиеся в историко-религиозной литературе, не вызывают сколько-нибудь обоснованных сомнений в отличие от противоречащих им сообщаемых некоторыми краеведами дат основания Севского Спасо-Преображенского монастыря — 1613 и 1618 годы. Причины переезда архимандрита Корнилия и его сотоварищей из Рыльска в Севск неизвестны (мнение, что Рыльск также оказался переданным Речи Посполитой, — явная ошибка), но в любом случае он мог произойти лишь тогда, когда обеспечивалась достаточная безопасность от возможных неприятельских набегов. Строительство новой севской крепости, вместо уничтоженной в годы «смуты», завершилось в 1620 г., так что новый монастырь близ Севска вряд ли появился ранее этого времени. Назван он был Спасо-Преображенским (или просто Спасским) в знак преемственной связи с одноименным монастырем в Новгороде-Северском, откуда прибыли архимандрит Корнилий (в документах, относящихся к Севску, он впервые упомянут в 1622 г.) и остальные инок.

Некоторое недоумение вызывают имеющиеся в литературе сведения, что Корнилий «устроил новую обитель» близ Севска «по благословению патриарха Филарета в 1636 г.». В них есть две явные несообразности: во-первых, об устройстве в 1636 г. монастыря, существовавшего, по крайней мере, с 1622 г., и,

во-вторых, о получении в 1636 г. благословения от патриарха Филарета, который, как известно, скончался в 1633 г. Скорее всего, здесь оказались совмещенными два разных факта: встреча архимандрита Корнилия с патриархом Филаретом и получение патриаршего благословения на устройство новой обители (это могло произойти не ранее 1619 г., после возвращения Филарета из польского плена) и получение патриаршей грамоты на восстановление монастыря, вероятнее всего, разоренного польско-литовскими войсками во время осады Севска в марте 1634 г. (дать такую грамоту мог уже новый патриарх Иоасаф).

Возник и начал свое обустройство новый монастырь в полутора верстах от Севска, на небольшой возвышенности среди заливного луга за рекой Сев, где находился участок смешанного леса, среди которого и были построены деревянная церковь, монашеские кельи, хозяйственные и другие сооружения. В первые десятилетия своего существования был он довольно бедным, а о его владениях можно говорить с большой долей условности. Так, в 1646 г. рядом с монастырем на его земле появилась маленькая подмонастырская слободка, в которой имелось 5 дворов, где проживали 5 бобылей, «прибившихся» к монастырю и подчинявшихся архимандриту Маркелу «с братией».

Постепенно значение монастыря росло. На полученных от государства землях, помимо подмонастырской слободки, появились еще три селения, жители которых подчинялись монастырю. Это были расположенная неподалеку небольшая слободка Семеновка, деревня Лукинка, в которой насчитывалось в 1678 г. 22 крестьянских и бобыльских двора, а также слободка Демьяновка (сейчас — на территории Сумской области Украины). В 1679 г. в ней было 23 крестьянских двора, здесь построили и освятили часовню и Демьяновку стали именовать селом. Но уже вскоре, в 1682 г., как сообщал в своем челобитьи в Москву архимандрит Севского Спасского монастыря Иоасаф, «людей из села Демьяновки ... из Севска воевода думный дворянин Леонтий Романович Неплюев вывез и разорил без остатку, не оставил ни одного двора крестьянского». Хотя к 1706 г. в слободке вновь

было 10 дворов, появилась церковь и она стала селом, сам факт воеводского произвола показывает, что местные власти не очень-то боялись Божьего наказания за свои действия против духовных лиц и святых обителей.

О положении самого Спасо-Преображенского монастыря в это время известно очень мало. Заметным богатством и благоустройством монастырь не отличался. Две имевшиеся здесь деревянные церкви (Преображенская и Ильинская, упоминаемые еще в 1646 г.) постепенно ветшали, и поэтому в конце 1680-х гг. у архимандрита Николая и братий появилась мысль о возведении каменного храма Преображения Господня. В принципе она была поддержана Патриаршим приказом, но осуществление ее намного задержалось.

В 1711 г. здесь по-прежнему действовали две названные деревянные церкви, на хозяйственном дворе находилось 4 лошади, 3 коровы, 5 овец, имелись монастырские сад и огород, но в целом уровень хозяйственного благосостояния был невысок. В относившихся к монастырю селениях числилось 28 крестьянских дворов (в 1700 г. таковых было 38), но, как отмечалось в переписи, «с тех монастырских крестьян денежных доходов и столовых и иных всяких припасов и хлеба за их скудостью не имеется; только пашут де в тот монастырь под рожь по 10 десятин, да под яровой хлеб по 10 десятин, да сена косят на общих лугах по 50 возов и делают всякое сделье». Дополнительным источником доходов для монастыря были мельницы: «на реке Севи мельница, прозванием Рождественская, на трех поставах, да ступ с гонными колесами (с помощью мельничных ступ из зерна гречихи и проса получали крупу – В.К.); другая же мельница ниже деревни Княгининой, о двух поставах, да ступ с гонными колесами, третья в слободке Демьяновке об одном поставе».

Из событий политического характера, к которым имели отношение иноки Севского Спасо-Преображенского монастыря, можно назвать историю с «изветом» В.Л. Кочубея на гетмана И. Мазепу. Василий Леонтьевич Кочубей, бывший в годы гетман-

ства на Украине И. Мазепы генеральным писарем, генеральным судьей, а в периоды отъезда И. Мазепы к театру военных действий со шведами даже назначавшийся наказным гетманом, в течение длительного времени был одним из самых близких к И. Мазепе лиц. Их взаимоотношения изменились к худшему в 1704-1705 гг., когда престарелый вдовый гетман имел роман с дочерью генерального писаря. Политический вес и материальное положение В.Л. Кочубея поколеблены не были, но оставалось затаенное желание отомстить нарушителю семейной чести, а накопившаяся информация о неблагоприятном поведении гетмана подтолкнула к подаче «извета» о том, что И. Мазепа тайно готовится изменить Москве.

В августе 1707 г. через Батурин, где находился в это время В.Л. Кочубей, возвращались с богомолья в Киево-Печерской Лавре трое путников: иеромонах Севского Спасо-Преображенского монастыря Никанор (Домбровский), монах того же монастыря Трифилий и один из крестьян д. Лукинки. Путники познакомились сначала с женой В.Л. Кочубея, а затем и с самим наказным гетманом, были приветливо приняты супругами, а затем иеромонах Никанор был приглашен для тайной беседы, в ходе которой узнал немало плохого о И. Мазепе. Прощаясь с иеромонахом, В.Л. Кочубей пригласил в Батурин настоятеля Севского Спасо-Преображенского монастыря, обещая сделать пожертвования в обитель. Архимандрит Игнатий уклонился от такой поездки, но послал к наказному гетману того же Никанора с письменным благословением и заздравными освященными просфорами.

Во время прошедшей затем тайной встречи В.Л. Кочубея с Никанором после взаимного целования креста и обещания строго соблюдать тайну, гетман сообщил иеромонаху, что «гетман Иван Степанович Мазепа хочет изменить великому государю и отложиться» и что ему, Никанору, надлежит срочно ехать в Москву, не останавливаясь в Севске, и сообщить об этом боярину И.А. Мусину-Пушкину (вероятно, не только потому, что боярин возглавлял в это время Монастырский приказ, но и потому,

что по широко распространенным слухам он был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича и, следовательно, сводным братом царя Петра, а полученная от такого лица информация была бы встречена царем с большим доверием).

Получив от В.Л. Кочубея деньги на проезд, Никанор без задержки отправился в Москву и в середине сентября 1707 г. прибыл в Монастырский приказ, но встретиться с И.А. Мусиным-Пушкиным не смог, а был направлен в Преображенский приказ, ведавший «тайными» делами. Здесь он сообщил об «извете» В.Л. Кочубея начальнику приказа князю Ф.Ю. Ромодановскому, но сам был задержан на время разбирательства. Не имея сведений о судьбе первого «извета», В.Л. Кочубей в начале 1708 г. через своих доверенных лиц сообщал в Москву об изменнических замыслах И. Мазепы, но ни Петр I, продолжавший полностью доверять гетману, ни связанные с этим делом лица из ближайшего окружения Петра, звавшие об отношении царя к И. Мазепе, не поверили «изветам» В.Л. Кочубея и его сообщника полковника И.И. Искры, которые были арестованы, переданы И. Мазепе и летом 1708 г. казнены. Пострадал и иеромонах Никанор: после пребывания в Преображенском приказе он в 1708 г. был отправлен в Соловецкую тюрьму. Правда, холмогорский епископ Афанасий, либо знавший о. Никанора раньше, либо успевший убедиться после встречи с иеромонахом в его невиновности, писал соловецкому архимандриту, чтобы тот был «милостивым» к Никанору. Когда же измена Мазепы стала реальностью, в Соловки был направлен указ об освобождении севского иеромонаха. Как дальше сложилась его жизнь — неизвестно.

Среди севчан вплоть до XX в. бытовало предание, что после ареста В.Л. Кочубея он какое-то время находился в тюрьме Севского Спасо-Преображенского монастыря, где якобы долго сохранялись цепи, которыми он был скован. Но известные достоверные факты полностью опровергают эту легенду. Арестованный В.Л. Кочубей был из Смоленска водным путем по Днепру доставлен в Киев, а далее в район Белой Церкви, где тогда находился И. Мазепа. Там же его и казнили. Следовательно,

весь его последний путь проходил очень далеко от Севска. Да и не было еще в Спасо-Преображенском монастыре отдельной тюрьмы, где бы можно было содержать важного «государственного преступника». Сама же легенда могла возникнуть в результате смешения двух реальных фактов: связи «дела» В.Л. Кочубея со Спасо-Преображенским монастырем (через иеромонаха Никанора) и наличия в монастыре каменных тюремных помещений, появившихся во второй половине XVIII в.

Начало каменному строительству на территории Спасо-Преображенского монастыря было положено в 1713 г. В мае этого года вместо прежних деревянных церквей начали строить каменный соборный Спасо-Преображенский храм. К осени было закончено сооружение первого этажа и состоялось освещение теплого церковного приказа в честь Ильи Пророка. Основное строительство было завершено в 1715 г., а после окончания всех отделочных и живописных работ в январе 1717 г. собор был освящен архимандритом Игнатием.

Имя архитектора, по проекту которого строился собор, осталось неизвестным, но, скорее всего, это был кто-то из представителей московской школы зодчества рубежа XVII-XVIII вв. И основные объемы храмового здания и элементы декора достаточно близки господствовавшему тогда в Москве и ее окрестностях стилю «нарышкинского» барокко с его нарядностью. Не стоит забывать, что Севск в это время в церковном отношении был в составе Патриаршей области (с 1721 г. ее стали называть Синодальной) и, таким образом, его духовенство напрямую подчинялось московским церковным иерархам, которые через патриаршую контору и финансировали строительство собора, и осуществляли контроль за его ходом.

Ближе к середине XVIII в. на территории Спасо-Преображенского монастыря появилось еще два каменных здания: двухэтажный вытянутый в длину корпус келий и одноэтажная небольшая просфорная с подвалом под нею. Келейный корпус отличался строгими и лаконичными архитектурными формами, близкими к образцам гражданского зодчества XVII в.;

здание просфорной было более нарядным, в нем чувствовалось влияние стиля барокко.

К середине XVIII в. за Спасо-Преображенским монастырем насчитывалось уже около 500 мужских крестьянских душ, относившихся к перечисленным ранее Демьяновке, Лукинке и Семеновке, а также к селу Юшино (село было уничтожено в 1664 г. во время похода польского короля Яна Казимира, но в XVIII в. возродилось). Были среди иноков и примечательные личности, в частности, архимандрит Платон (Петрункевич). Он родился в 1700 г. в г. Соснице на севере Украины в дворянской семье, образование получил в Киевской духовной семинарии. После пострижения в монашество был вызван в Петербург и назначен законоучителем Кадетского корпуса. Как духовник ландграфини Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской (дочери генерал-фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого, в первом браке — за князем Д.К. Кантемиром, во втором браке с 1738 г. — за генерал-фельдмаршалом российской службы, ландграфом Гессен-Гомбургским Людвигом Вильгельмом) о. Платон в конце 1730-х гг. сопровождал ландграфскую чету в заграничном путешествии. После возвращения был в 1740 г. назначен в сане архимандрита настоятелем Севского Спасо-Преображенского монастыря, а в 1742 г. переведен настоятелем Владимирского Рождественского монастыря и утвержден членом Святейшего Синода. Назначенный в 1748 г. епископом Владимирским, владыка Платон добился открытия в 1750 г. духовной семинарии в г. Владимире и позже проявлял о ней постоянную заботу, в том числе расходуя на нее и собственные средства. Умер он в 1757 г., находясь в Москве, но затем был перезахоронен во Владимирском кафедральном соборе.

Однако нравы у части обитателей монастыря не всегда соответствовали его материальному укреплению, чему в некоторой степени способствовали неоднократные смены настоятелей и возникавшие при этом периоды «межвластия». Наглядным примером является описанный в мемуарах Г.И. Добрынина эпизод с одним из последних настоятелей монастыря архимандри-

том Пахомием. Вскоре после прибытия престарелого архимандрита в обитель «братия вознегодовала на него за нарушение прежних монастырских обыкновений». «Нарушения» эти заключались в том, что настоятель «в праздничные и торжественные дни не просит братию к себе на водку» и что он «уничтожил печенье по субботам блинов, а по воскресеньям — пирогов».

Дошло до того, что монастырский «служба» Семен Малышев, уверявший монахов, что «архимандрит — богопротивник», явился в Севскую провинциальную канцелярию и «закричал ... употребительное тогда «слово и дело». Архимандрит, заявитель и названные им свидетели-монахи были под караулом отправлены в Москву для разбирательства. Поскольку в извете С. Малышева ничего существенного не оказалось, то его после телесного наказания отдали в солдаты, архимандрита оправдали, но Пахомий попросил перевести его из Спасо-Преображенского монастыря в Столбовской Николаевский, что и было исполнено.

В 1764 г., после создания Севского и Брянского викариатства Московской епархии, Севск был назначен центром пребывания викарных епископов. Местом, где жительствова­ли и занимались своей деятельностью севские епископы и обслуживающие их лица, стал упраздненный с этого времени Спасо-Преображенский монастырь, получивший название архиерейского дома. Последним настоятелем монастыря был архимандрит Иакинф (Карпинский), пользовавшийся известностью за свою ученость и издавший позднее сборник своих произведений.

Основное каменное строительство на бывшей монастырской территории велось, когда здесь уже не было монахов, а находилась резиденция севских епископов. Во второй половине XVIII в., особенно в период пребывания здесь епископа Кирилла (Флоринского), здесь был обновлен собор, сооружены каменная ограда с угловыми башнями, высокая и живописная надвратная колокольня. Так сложился единый архитектурный комплекс зданий, который продолжали называть (и называют до сих пор) Спасо-Преображенским монастырем, хотя в реальности мона-

стыря там уже не было. Сооружения комплекса имели в значительной степени символическое значение: толстые стены с бойницами и башнями продолжали традиции тех русских средневековых монастырей, которые вплоть до XVII в. играли оборонную роль, а наверхия стен типа ласточкиного хвоста были аналогичны стенам московского Кремля.

Помимо Площанской пустыни и Спасо-Преображенского монастыря, на территории Севского уезда в XVII в. находились еще 3 мужских обители: Столбовский Николаевский монастырь, Борщовская Николаевская и Радогощская (Радогожская) Спаская пустыни.

Борщовская пустынь, по преданию, была основана на месте, где в зарослях борщевика (высокой травы из семейства зонтичных со съедобными стеблями) была обнаружена собиравшими мед диких пчел бортниками икона Николая Чудотворца. Здесь, если опять-таки верить преданию, была устроена часовня, а затем возникла пустынь, разоренная в годы смуты. В сохранившихся документах эти сведения не подтверждаются, а первое известие о существовании Борщевской Николаевской пустыни относятся к 1653 г. Во второй половине XVII в. рядом с пустынью появилось и село Борщево, вероятно, выросшее из подмонастырской слободки. Относилось оно в отличие от ближайших селений не к Комарицкой волости, а к Брянскому уезду и лишь в XVIII в. вошло в состав Севского уезда.

По переписи 1709 г. в пустыни имелись две деревянные церкви (Николаевская и Знаменская), деревянные кельи, где проживало 14 монахов, включая настоятеля. На обитель бесплатно работали 5 трудников. Проживали здесь и 2 наемных дворника, занятых, скорее всего, на конюшенном и скотном дворе, где было 17 лошадей, 7 жеребят, 14 коров, 2 быка, 8 телят, 30 овец, 15 ягнят, 5 коз, 3 козленка, 2 свиньи — это было значительно больше, чем в занимавшем более высокое положение Севском Спасо-Преображенском монастыре. Большое количество скота требовало много кормов, и согласно переписи 1709 г. ежегодно заготавливалось по 150 возов сена — делали это доб-

ровольно трудившиеся вкладчики обители и наемные крестьяне из разных селений Комарицкой волости, Брянского и Трубчевского уездов. Имелись у пустыни и пахотные земли, где выращивали рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, просо, горох, коноплю. Дополнительным источником монастырских доходов являлась находившаяся на р. Гбень «мельница с двумя поставами и с толчеёю с наливными колёсы и с рыбною ловлею».

Ряд принятых Петром I в первой четверти XVIII в. указов, строго ограничивавших деятельность монастырей и ущемлявших их самостоятельность, сказался и на положении монастырей Севского уезда. Так, указом 1723 г. было предписано монастыри и пустыни, где находилось менее тридцати иноков, объединять в один. Настоятель главного в Севском уезде Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Варлаам решил проявить свое рвение в исполнении предписаний царской власти и, следуя букве указа, приказал в 1724 г. упразднить Площанскую пустынь, ее монахов перевести в Борщевскую пустынь, а утварь, скот, хлеб и другое имущество привезти в свой монастырь. Объединенный монастырь возглавил иеромонах Тихон, управлявший ранее Борщевской пустынью, а в 1725 г. именуемый «строителем Борщевским и Площанским».

Несмотря на разорение Площанской пустыни архимандритом Варлаамом, жизнь в обители не прекратилась. Продолжались богослужения в храме, в пустынь стали возвращаться выдворенные ранее монахи, а переселившийся сюда иеромонах Тихон, считая действия Варлаама неправильными, начал борьбу за восстановление справедливости. Несколько лет трудного противостояния завершились победой о. Тихона и поддержавших его площанских монахов. Следствие, назначенное для проверки жалоб на гонения со стороны архимандрита и проведенное управляющим канцелярией Комарицкой волости Чичериным, подтвердило неправоту действий Варлаама, которого из Севска перевели в Московский Иосифо-Волоколамский монастырь. Изъятое имущество Площанской пустыни было возвращено, как и деньги, полученные от продажи скота и хлеба. В 1731 г. ука-

зом императрицы Анны Иоанновны подтверждалась принадлежность пустыни всех земель, пожалованных Михаилом Фёдоровичем, что приостановило попытки крестьян ближних селений захватить часть монастырских угодий. Иеромонах Тихон, уважаемый и иноками, и посещавшими обитель паломниками, продолжал управлять пустынью до своей кончины в 1741 г.

Что же касается Борщевской пустыни, то ее относительное благополучие (в 1744 г. за нею даже числилось 8 душ крестьян) не сопровождалось ростом духовного влияния. Во второй четверти XVIII в. обитель была приписана к Площанской пустыни, а в 1764 г. упразднена. Ее семь последних иноков были переведены в Площанскую пустынь, а церковь преобразована в приходскую.

Неподалеку друг от друга, разделенные участком леса к северу от реки Нерусса, находились еще две монастырских обители: Столбовский Николаевский монастырь и Радогощская Спасская пустынь. Сближало их не только местоположение, но и сходство исторических судеб.

Столбовский Николаевский монастырь впервые упоминается в документах в 1655 г., но, согласно преданиям, возник значительно раньше. По записи, сделанной на обратной стороне основной святыни монастыря, иконы Николая Чудотворца, известной своими чудесами, эта икона была обнаружена в 1626 г. на дубовом столбе, а затем «на том святом месте» была построена деревянная церковь, вокруг которой и вырос Столбовский Николаевский монастырь. Согласно позднейшим сведениям, «во время польского короля приходу та церковь сожжена». Такой приход войск польского короля в эти места мог быть только однажды – в начале 1664 г., во время похода Яна Казимира. Следовательно, монастырь возник раньше этого времени, а сожжение Николаевской церкви еще не означало разорения всей обители, поскольку на следующий год упомянут в документах ее настоятель Акиндин. На месте сожженной церкви какое-то время находилась часовня, но затем деревянная церковь вновь была сооружена.

По переписным книгам 1678 г. в подмонастырской Столбовской слободке было записано 12 крестьянских и бобылевских дворов, но в начале XVIII в. было «из тех дворов взято в рекруты 7 человек, и за взятием оных рекрутов, за скудостью и за одиночеством бежало 4 двора» и к 1711 г. осталось «налицо 6 дворов крестьянских, 2 двора бобылевских», в которых проживал в общей сложности 61 человек. «А монастырь с тех крестьян денег и хлеба и иных всяких столовых припасов, за их скудостью, ничего не имеет, для того что за тем монастырем под теми крестьянами пашенной земли и сенных покосов малое число имеется, на стороне нанимаются в работники, и в монастыре пашут под рожь одну десятину, а сена косят в монастырь... по 50 копен,... а сделья никакого не делают, только возят в тот монастырь к трапезе 5 сажень, к хлебне... 4 сажени, к братским 4 кельям по столько же».

На конюшенном и скотском дворах монастыря в 1711 г. находилось 4 лошади, 1 корова, 7 подтелков и телят, 15 овец, 12 ягнят, 10 свиней – в целом не очень большое хозяйство для 10 монахов (включая настоятеля) и 1 трудника. Своего хлеба монахам на весь год не хватало и приходилось пользоваться «мирским подаванием». Имевшиеся «за монастырем на речке Ибуше две мельницы об одном поставе» дохода почти не давали, так как работали они только «полою водою», обслуживая монастырских крестьян.

К 1711 г. в монастыре имелось уже две деревянных церкви. В 1719 г. одна из них, Ильинская, была перевезена в новое село Дмитровское, где начало обустраиваться главное имение князей Кантемиров, ставших ближайшими соседями столбовских монахов. А вскоре сгорела и Николаевская церковь, но чудесным образом не пострадала главная святыня монастыря – икона святителя Николая. На помощь монастырю пришел князь Дмитрий Кантемир, на средства которого началось возведение нового каменного храма. Однако в 1723 г. князь Д.К. Кантемир скончался; наследники князя, строившие в это время каменную церковь в местечке Дмитровке (так стали называть бывшее се-

до), приостановили строительство храма в монастыре. Когда в 1725 г. церковь в м. Дмитровке была освящена, работы в Столбовском монастыре возобновились, но велись не слишком быстро. К 1730 г. Николаевский храм был в основном построен, но его благоустройством сыновья Дмитрия Кантемира, жившие преимущественно в столицах, не занимались. Да и руководители Столбовского монастыря, видимо, не проявляли в этом большой инициативы, а ведь к числу самых бедных монастырь не относился – в 1744 г. за ним числилось 119 мужских крестьянских душ.

Нравы отдельных столбовских монахов также не всегда были примером для окружающих. Живший в 1762 г. в этом монастыре подросток Г.И. Добрынин позже описывал в своих воспоминаниях, что однажды, в период отсутствия архимандрита Варлаама, во время вечерней службы «один из черноризцев, отец Арсений, соскочил с левого клироса, поднял свою мантию, схватил её в один узел, прижал к своей груди и начал по церкви прыгать, как обезьяна». Г. И. Добрынин решил, что архимандрит был пьян, но его поведение похоже на временное духовное помрачение. В 1764 г. монастырь был закрыт, а Николаевская церковь преобразована в приходскую села Столбово – так стали называть разросшуюся подмонастырскую слободку.

Совсем немного сведений сохранилось и о Радогощской Спасской пустыни. Неизвестны ни время, ни обстоятельства ее основания. По переписным книгам 1678 г. пустынь существовала, но за нею «крестьянских и бобыльских дворов никаких не написано». По сведениям 1711 г., в пустыни было уже две деревянных церкви, хотя проживало здесь лишь 7 монахов, да «на скотном дворе два человека» наемных работников. Всего «на конюшенном и на скотном дворе» находилось 6 лошадей, 7 быков, 6 коров, 9 телят и подтелков, 10 овец, 4 ягненка. По переписи 1711 г., было «за тою пустыню в Подмонастырской слободке написано бобыльских 4 двора», но в этом же году три из них запустели. В одном оставшемся дворе было «живущих ... 10 человек», которые «на монастырь озимого и ярового хлеба не се-

ют, только косят сена в монастырь по 40 возов в год, да делают монастырское разное сделье».

Отсюда — зафиксированная в документах того времени бедность обители: «Денег и столовых и иных всяких припасов и хлеба за скудостью не имеется». Хотя монастырю принадлежала «на реке Нерусе мельница и с рыбною ловлею на оброке», но доход от нее был невелик, так как «на той мельнице помол бывает в зимнее время, а в остальное время помолу не бывает, для того что к той мельнице за болотами приезду никакого нет».

Радогощскую пустынь ликвидировали двумя годами позже Столбовского монастыря — в 1766 г. Единственную оставшуюся к тому времени деревянную церковь перевезли в с. Юшино. О существовавшей когда-то обители напоминала Спасо-Радогощская слободка, находившаяся севернее села Радогощ и отделенная от него рекой Неруссой. С образованием в конце XVIII в. Дмитровского уезда и установлением новых границ между Севским и Дмитровским уездами Спасо-Радогощская слободка и с. Столбово оказались на территории Дмитровского уезда.

Еще одним значительным центром религиозной жизни Севска и его округа был Троицкий женский монастырь, находившийся в центральной части города. К сожалению, в его истории, особенно ранних этапов существования, очень много неясностей, поскольку значительная часть имеющихся сведений базируется на преданиях или позднейших записях, порой вступающих в противоречие с достоверными фактами.

Главной святыней Троицкого монастыря была чудотворная Молченская икона Божией Матери. По одному из преданий, после набега татаро-монгол на Киев пришедшие оттуда два инок поселились в пещере неподалеку от Путивля. С собой отшельники принесли икону Пресвятой Богородицы, перед которой и молились. После смерти иноков место это оказалось забытым, но в 1405 г. один из бортников увидел на дереве близ болота Молчь икону, окруженную сиянием, о чем и сообщил жителям Путивля. По их желанию после ходатайства перед великим

московским князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном на месте явления иконы была поставлена часовня, а затем храм Рождества Богородицы. В том же году здесь была основана Молченская пустынь (с конца XVII в. получившая название Софрониевская в честь одного из настоятелей – преподобного Софрония), а день явления иконы (18 сентября, или 1 октября по новому стилю) стал отмечаться как праздник Молченской иконы Божией Матери.

Согласно тому же преданию, в период «смутного времени» начала XVII в. Молченская пустынь была разорена, а ее настоятель игумен Пафнутий был вынужден вместе с братией перейти в Путивльский Молченский монастырь, куда была перенесена и Молченская икона Божией Матери. Когда же и этот монастырь пострадал от пожара, икону перенесли в Спасо-Духовский женский монастырь. В 1612 г. во время угрозы движения польских войск к Путивлю, явившись в сонном видении трем монахиням Спасо-Духовского монастыря сама Царица Небесная указала им взять чудотворную икону и идти с нею в Севск. В то же время трем отшельницам, жившим в полуземляночных кельях на старом севском кладбище близ небольшой церкви в честь Рождества Богородицы также было от Царицы Небесной повеление идти «по вечерней молитве на путь, ведущий к Киеву». Вечером, 24 апреля, встретились под Севском путивльские и севские странницы, принесшие совместно Молченскую икону Божией Матери в храм Рождества Богородицы. День 24 апреля (7 мая по новому стилю) стал еще одним праздничным днем в честь чудотворной иконы. Весть о чудесном обретении иконы Молченской Божией Матери стала быстро распространяться, на кладбище начали строиться новые кельи, росло число сестер в появившейся обители. Старая Рождественская церковь уже не могла вместить всех молящихся, поэтому был построен новый деревянный храм во Имя Живоначала́ной Троицы, а монастырь стал называться Троицким.

При всем уважении к православной литературе профессиональный историк обязан и к историко-религиозным сведениям

ям относиться как к любым историческим источникам, т.е. критически. Нужно признать, что в приведенном сказании об Молченской иконе Божией Матери есть немало сведений, вызывающих серьезные сомнения. Во-первых, после разорения Путивля в XIII в. татаро-монгольскими войсками название города исчезает со страниц летописей и других документов вплоть до 1500 г., так что факт существования города в начале XV в. документально не подтверждается. Еще существеннее то, что в это время вся Северская земля входила в состав Великого княжества Литовского, следовательно, обращаться к московскому князю и митрополиту по поводу строительства храма на неподконтрольной им территории не имело смысла. И уж совершенно не вписываются в общую ситуацию времен «смуты» на Северской земле сведения о переносе в 1612 г. Молченской иконы Божией Матери из Путивля, самой хорошо укрепленной в начале XVII в. крепости на юго-западных рубежах Российского государства, в Севск, разоренный в 1605 г. войсками Бориса Годунова и совершенно запустевший вплоть до 1619 г. Сомнение в правдоподобности этих сведений еще усиливается, если учесть, что в известных по документам 1620-1650-х гг. перечнях севских церквей нет упоминаний ни о Рождественском, ни о Троицком храмах, а сам Троицкий женский монастырь в Севске впервые упомянут лишь в 1679 г.

В то время в историко-религиозной литературе есть сведения и о другом сказании, связанном с Молченской иконой Божией Матери, где дается иная версия случившегося. По сведениям, записанным в Путивльском Молченском монастыре, чудотворная икона Богородицы явилась на Молченском болоте 24 апреля 1636 г. и была затем перенесена в Путивльский Печерский монастырь, известный с конца XVI в. и получивший дополнительное название (Молченский) с обретением названной чудотворной иконы, которая, по сведениям середины XIX в., продолжала оставаться в этом монастыре. День явления Молченской иконы Божией Матери, 24 апреля, отмечался в монастыре как праздничный.

Согласовать эти две взаимоисключающие версии невозможно – их объединяет лишь дата, 24 апреля, но и та имеет не одинаковый смысл. По-видимому, нужна дополнительная кропотливая работа специалистов по церковной истории, чтобы прояснить такую запутанную ситуацию. В связи с этим есть необходимость высказать некоторые соображения о сроках проведения празднеств в честь Молченской иконы Божией Матери. Календарная реформа 1918 г., передвинувшая счет времени в России на 13 дней вперед в связи с переходом с юлианского календаря на грегорианский, утвердила в сознании большинства именно такую разницу между старыми и новыми календарными датами, хотя это верно лишь для XX века. В XIX в. разница составляла 12 дней, в XVIII – 11, в конце XVI и XVII вв. – 10 дней, а раньше этой разницы просто не могло быть, так как новый календарь стал вводиться в Европе лишь после объявления в 1582 г. буллы папы Григория XIII. В таком случае дата 18 сентября 1405 г. не требует перевода на новый стиль, а к дате 24 апреля 1612 г. (или же 1636 г.) нужно добавить не 13, а 10 дней. Следовательно, современные праздничные даты, 1 октября и 7 мая, с историко-хронологической точки зрения нельзя признать корректными.

Из сведений, связанных с историей Троицкого монастыря в конце XVII в., заслуживает внимания тот факт, что в 1684 г. цари Иоанн и Петр Алексеевичи «пожаловали города Севска в Троицкий девичий монастырь» 4 колокола весом в 50, 30, 20 и 10 пудов. Ходатайствовал об этом генерал Агей Алексеевич Шепелев, являвшийся членом Боярской Думы с чином окольничего (в 1681 г. его полк некоторое время находился в Севске, и расположенный в городе Троицкий монастырь, вероятно, произвел благоприятное впечатление на генерала, решившего оказать ему благодеяние). Отливали колокола московские литейные мастера Фёдор Леонтьев и Яков Иванов. Помещены колокола были на специально построенной для них деревянной колокольне при входе на территорию монастыря.

В 1694 г. по распоряжению и на средства севских воевод окольного князя Петра Лукича Львова и его племянника стольника князя Ивана Борисовича Львова на территории монастыря возле Святых ворот был выкопан колодец глубиной в 10 сажен (свыше 20 метров), который существовал еще в начале XX в.

По описи 1698 г. монастырь находился в «Большом городе», возле Пречистенской проездной башни с вестовым колоколом. В обители были соборная Троицкая церковь, кельи и ограда в виде частокола. Над Святими воротами при входе находилась надвратная колокольня. Все строения были деревянными. В описи 1711 г. упомянута и вторая церковь - Рождества Богородицы, тоже деревянная.

При игуменье Маргарите, руководившей жизнью монастыря в 1751-1782 гг. и похороненной здесь же в 1791 г., вместо двух обветшавших деревянных церквей был построен в 1760-1761 гг. двухэтажный каменный Троицкий собор с приделом Рождества Богородицы в нижнем этаже. Большой пятиярусный иконостас собора был сооружен по образцу иконостаса Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Тогда же началось строительство каменной ограды с четырьмя башенками на углах.

В заключение можно отметить, что знаковыми для духовной жизни Севска и Севского уезда в рассматриваемый период были три даты: 1681 г. — указ Федора Алексеевича о создании архиепископии Севской и Брянской (политические события 1682 г. не позволили реализовать этот указ); 1748 г. — образование архиепископии Московской и Севской, существовавшей до 1754 г., когда скончался архиепископ Московский и Севский Платон (Малиновский); 1764 г. — создание епископии Севской и Брянской и начало деятельности в Севске епископов и духовного правления.

Севск как место пребывания епископов Севских и Брянских (позже — Орловских и Севских) вплоть до 1820 г.; Севская духовная семинария, находившаяся здесь с 1778 г. по 1827 г. (в последние десятилетия она именовалась Орловской) и воспи-

тавшая многих видных религиозных деятелей; монастыри Севского уезда, где во второй половине XVIII – первой половине XIX в. подвизалось немало выдающихся религиозных подвижников, – все это заслуживает самого серьезного изучения, чтобы во всей полноте представить духовную роль Севска и его окрестности.

Литература

Благодатная пустынь. Казанская Богородицкая Площанская мужская пустынь. – М., 2005.

Гусева, Р.А. Севский Троицкий женский монастырь / Р.А. Гусева // Из истории Севска и его окрестности. – Севск, 1993.

Добрынин, Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная / Г.И. Добрынин. – СПб., 1872.

Зверинский, В.В. Монастыри в Российской империи / В.В. Зверинский. – СПб., 1887.

Кизимова, С.П. По следам святых обителей / С.П. Кизимова, Е.М. Зубова. – Брянск, 1999.

Материалы по истории церквей Орловской епархии. Севской десятины жилые данные церкви. 7136 (1628) – 1746 гг. Вып. 1. – М., 1904.

Пясецкий, Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда / Г.М. Пясецкий // Сборник Орловского Церковного Историко-Археологического Общества. Т. II. – Орел, 1909.

Пясецкий, Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей / Г.М. Пясецкий. – Орел, 1899.

Пясецкий, Г.М. Материалы по истории монастырей Севской епархии, упраздненных в 1764 г. / Г.М. Пясецкий // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. IV. – Орел, 1889.

Ратшин, А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России / А. Ратшин. – М., 1852. (М., 2000).

Святский, Д.О. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости / Д.О. Святский. — Орел, 1908.

Соловки: монастырь на островах. — М., 2007.

Старцы Площанской пустыни. — М., 2002.

Л.Н. Богдан,
*учитель истории и обществознания МОУ
Селеченской СОШ Суземского района
Брянской области*

Из истории Селеченской Церкви Покрова Пресвятой Богородицы

Селеченская Церковь Покрова
Пресвятой Богородицы

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на моей малой родине — в селе Селечня Суземского района Брянской области — называют не иначе, как жемчужиной. К великому сожалению, она пребывает ныне в упадке. Воссоздать — хотя бы отчасти — историю этого замечательного храма мне помогли

рассказы старожилов, помнящих, в свою очередь, рассказы своих отцов и дедов, кое-какие сведения хранят уцелевшие документы, фотографии...

Нынешнее здание церкви — третье. Ещё со времён Литовской Руси, в которую входила Селечня вместе со всей Комарицкой волостью, в селе стояла деревянная церковь, просуществовавшая более двухсот лет. Потом, в 1695 году, вместо устаревшей церкви на средства селеченцев по разрешению Свенского монастыря (село Селечня по прошению монастыря было передано во владение монастыря Иваном Грозным) была выстроена